

Морис Метерлишк

РАЗУМ ЦВЕТОВ

♦
МУДРОСТЬ
И СУДЬБА

Санкт-Петербург

УДК 00
ББК 70
М 54

Maurice Maeterlinck
LE TRÉSOR DES HUMBLES (1896);
LA SAGESSE ET LA DESTINÉE (1898);
LA VIE DES ABEILLES (1901);
LE TEMPLE ENSEVELI (1902);
LE DOUBLE JARDIN (1904);
L'INTELLIGENCE DES FLEURS (1907);
LA VIE DES TERMITES (1926)

Перевод с французского
Николая Минского и Людмилы Вилькиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

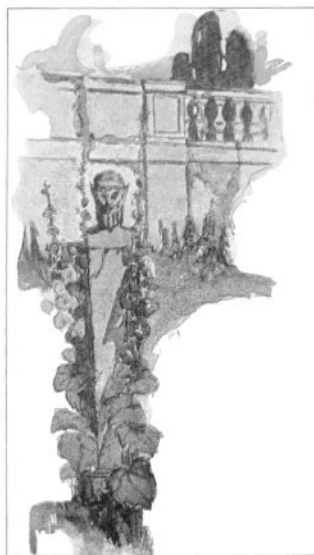
Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации
Мориса Метерлинка, Альфреда Эдмунда Брема,
Эдуарда Оскара Шмидта, Эрнста Людвиг Ташенберга

ISBN 978-5-389-26623-0

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

СОКРОВИЩЕ СМИРЕННЫХ

LE TRÉSOR
DES HUMBLES
1896

I. МОЛЧАНИЕ

«Silence and Secrecy!» — восклицает Карлейль — им следовало бы воздвигнуть алтари всеобщего поклонения (если только алтари воздвигаются еще в наши дни). Молчание — та стихия, в которой образуются великие дела, чтобы возникнуть наконец совершенными и величественными в свете жизни, над которой они призваны властвовать. Не только Вильгельм Молчаливый, но все значительные люди, которых я знал, даже наименее дипломатичные и предусмотрительные, — все воздерживались от болтовни о своих намерениях и будущих творениях. Попробуй и ты, с твоими бедными маленькими недоумениями, удержать язык в продолжение целого дня; на следующий день ты увидишь, какими ясными покажутся тебе твои планы и обязанности. Каких только обломков, какого сора не вымели в тебе самом эти безмолвные рабы в то время, как бесполезный шум внешнего мира не проникал в тебя.

Не всегда слово, как говорят французы, есть искусство скрывать свою мысль; часто это — искусство заглушать и подавлять ее, так что скрывать уже больше нечего. Слово могущественно, но есть нечто более властное. Существует швейцарская поговорка, подтверждающая это. Sprechen ist Silber, Sehweigen ist Gold, — «слово — серебро, молчание — золото»; или же еще лучше: слово — дитя времени, молчание — вечности.

«Пчелы работают только во мраке, мысль работает только в молчании, добродетель — в безвестности...» Ошибочно думать, что одно лишь слово служит истинным общением между людьми. Уста и язык объясняют душу так же, как номер и ярлык — картину Мемлинга или другого мастера. Но стоит нам захотеть действительно сказать друг другу что-нибудь, и мы принуждены молчать. Если же в такие минуты мы воспротивились невидимому

и властному велению молчать, то мы понесли вечную утрату; ее не возместят нам величайшие сокровища человеческой мудрости, ибо мы потеряли случай услышать другую душу и дать мгновение бытия нашей собственной. А есть много жизней, в которых такие случаи дважды не повторяются.

Мы обмениваемся словами лишь в те часы, когда не живем, в те мгновения, когда не желаем замечать наших братьев, когда чувствуем себя далеко от истинно сущего. Стоит заговорить, как какой-то голос предостерегает нас, что божественные врата уже закрылись где-то.

Вот почему мы так скупы на молчание. Даже самые неблагоприятные из нас не согласятся молчать с первым встречным. Инстинкт сверхчеловеческих истин, которым мы все наделены, предостерегает нас, что молчать с кем-нибудь, кого не хочешь близко знать или кого не любишь, — опасно, ибо сказанное проходит, молчание же, если оно хотя бы одно мгновение было действенным, не исчезнет никогда. Истинная жизнь, единственная, оставляющая какой-либо след, соткана из молчания.

Начните молча вспоминать, прибегните теперь же к молчанию, для того чтобы оно само себя объяснило. Если вам дана способность заглянуть на мгновение в свою душу до глубин, обитаемых ангелами, вы прежде всего вспомните о существе, глубоко вами любимом, и вспомните не о словах его, не о жестах, а о тех минутах молчания, которые вы вместе с ним переживали. Ибо свойство этого молчания обнаружило свойства вашей любви и ваших душ.

Я говорю теперь только о молчании действенном, но есть еще молчание бездейственное — отражение сна, смерти, небытия. Это — молчание, которое спит; куда оно спит, оно еще менее грозно, чем слово; но неожиданный толчок может пробудить его, и тогда воцаряется брат его — великое действенное молчание. Тогда берегитесь. Две души настигают одна другую, стены поддаются, плотины прорываются, и обыкновенная жизнь уступает место другой, где все становится важным, где ничто не защищается, не улыбается, где ничто не повинуетя, ничто не забывается...

Всякому из нас ведомо это темное могущество и его опасные игры, и вот почему мы так глубоко боимся молчания. Собственное молчание в одиночестве мы еще выносим; но молчание нескольких, многих и в особенности молчание толпы — бремя чрезмерное, тяжести которого страшатся самые твердые души. Мы тратим

большую часть жизни на поиски страны, в которой бы не царил молчание. Соберутся два-три собеседника, и нет у них другой мысли, кроме одной — изгнать невидимого врага. Как много обычных дружб не имеет другого основания, кроме ненависти к молчанию! Но если, несмотря на все усилия, оно все-таки проскользнет в число собравшихся — все с беспокойством обращаются к торжественной и невидимой стороне вещей и вскоре спешат разойтись, уступая место неведомому. В будущем же они станут избегать друг друга, боясь, как бы вековая борьба не оказалась вновь тщетой и как бы один из них не открыл тайно двери противнику...

Многим из нас молчание открывается не более двух или трех раз в жизни. Этого непроницаемого пришельца они дерзают принимать только в торжественных случаях, и почти все принимают его достойно: в жизни даже самых отверженных бывают минуты, когда они поступают так, как будто им известно то, что ведомо богам.

Вспомните тот день, когда вы без трепета встретили ваше первое молчание. Ужасный час настал, и оно предстало перед вашей душой. Вы видели, как оно восходило из бездны жизни, о которой не говорят, из глубин красоты и ужаса, — и вы не ушли от него. То было при свидании, на пороге разлуки, среди великой радости, у одра смерти, на краю большого горя. Вспомните эти минуты, когда драгоценные камни становятся видимыми и заснувшая правда внезапно пробуждается, и скажите, не было ли тогда молчание необходимым, не была ли ласка врага, вечно преследуемого, божественной.

Поцелуй горестного молчания — ибо чаще всего молчание целует нас в горе — никогда не забываются; вот почему те, которые чаще знали его, выше других. Быть может, им одним известно, какие безмолвные и глубокие воды таятся под тонкой оболочкой каждодневной жизни; они приблизились к Богу, и сделанные ими шаги в сторону света не потеряются, ибо душа может не восходить, но никогда не падает. «Молчание — великое царство молчания! — восклицает Карлейль, который так хорошо знал это царство жизни, уносящее нас выше звезд, глубже обители смерти... — О, молчание и благородные, молчаливые люди... Они рассеяны повсюду, каждый в своей области; они думают и работают в безмолвии, и утренние газеты о них не говорят. Они — соль земли, и страна, в которой их нет, стоит не на верном

пути. Это лес без корней, весь сплетенный из листьев и ветвей, который должен исчезнуть».

Но молчание истинное, к которому приблизиться еще труднее, чем к молчанию фактическому, подразумеваемому Карлейлем, — не из тех богов, что покидают людей. Оно окружает нас со всех сторон, оно — основание нашей внутренней жизни; и стоит кому-нибудь из нас с трепетом постучаться в одну из дверей вечности, то же внимательное молчание открывает ее... Здесь мы опять все равны перед явлением бесконечным; молчание короля и молчание раба имеют тот же облик и скрывают под своим непроницаемым плащом одинаковые сокровища.

Тайна этого молчания — необходимого, неприкосновенного убежища наших душ — не исчезнет никогда, и если бы первый человек встретился с последним обитателем земли, они бы одинаково молчали при поцелуях, ужасе и слезах, при всем, что должно быть понятным безо лжи. Несмотря на бесчисленность веков, они бы одинаково поняли — как если бы спали в одной колыбели — то, чему уста не научили бы их до скончания мира...

Когда уста засыпают, просыпаются души и начинают действовать, ибо молчание — стихия, полная счастья, неожиданностей и опасностей, в которых душа свободно владеет собой. Когда вы захотите отдаться кому-нибудь вполне — молчите; и если вы боитесь молчать с ним — когда боязнь эта не скупость и не священный ужас любви, ожидающей чудес, — бегите от него, ибо душа ваша знает, как надо поступать. Есть существа, с которыми не осмелились бы молчать величайшие герои, и есть души, которые, хоть им и нечего скрывать, все же боятся, как бы некоторые души в них не заглянули. Есть и такие, в которых молчание отсутствует и которые убивают молчание вокруг себя, — это единственные существа, проходящие через жизнь незамеченными. Им не удастся перейти через полосу, дающую прозрение, великую полосу света непоколебимого и верного. Нельзя иметь ясного понятия о том, кто никогда не молчал. Можно сказать, что душа его не имеет облика. «Мы не знаем еще друг друга, — писал мне некто, кого я любил более других, — мы еще не осмеливались вместе молчать». И то была правда; мы уже любили друг друга так глубоко, что страшились этого сверхчеловеческого испытания. И каждый раз, как молчание — ангел высшей правды и вестник неведомого во всякой любви — спускалось к нам, наши души, коленапреклоненные, казалось, просили пощады и зывали о еще нескольких

часах невинной лжи, о нескольких часах неведения и детства. Но тем не менее час молчания должен настать. Молчание — солнце любви, и на этом солнце вызреют плоды нашей души, как зреют на видимом нам солнце плоды земли. Но не без основания страшатся люди молчания, ибо неизвестно, каким оно рождается в каждом случае. Если все слова сходны, то молчание всегда различно, и в большинстве случаев вся судьба зависит от того, каковы свойства первого молчания, которое создали две души. Соединение душ происходит неизвестно где, ибо хранилища молчания находятся выше хранилищ разума, и неожиданный напиток может оказаться зловеще-горьким или божественно-сладким. Две прекрасные, одинаково могущественные души могут создать молчание неприязненное и вести во мраке беспощадную борьбу, в то время как душа колодника придет божественно помолчать с душою девственницы.

Ничего нельзя предугадать, все происходит под небом, которое ни о чем не предупреждает; вот почему самые нежные любовники задерживают часто до последней минуты появление этого великого провидца глубин бытия... Тогда они вдруг понимают — истинная любовь приближает даже наиболее легкомысленных к центру бытия, — что все прежнее было лишь игрою ребенка вокруг ограды и что теперь только пали стены и открылось бытие. Молчание их будет по своему значению тождественно с богами, в них живущими; и если они не найдут друг друга в этом первом молчании, то их души не в силах будут любить друг друга, ибо молчание никогда не перерождается. Оно может возникнуть или опуститься между двух душ, но его природа не изменится никогда. И до самой смерти любящих оно сохранит положение, форму, могущество, которыми обладало в то мгновение, когда впервые проникло в комнату.

По мере того как проходишь в жизнь, замечаешь, что все происходит без слов, по какому-то предварительному соглашению; о нем мы даже не думаем, но мы знаем, что оно существует где-то над нами. Самый незначительный из нас так улыбается при первой встрече с людьми, как будто он был издавна соучастником судьбы своих братьев. В нашем кругу тот, кто объясняется яснее других, чувствует тем яснее, что слова никогда не объясняют настоящих отношений между двумя существами. Если я говорю вам теперь о самых значительных признаках любви, смерти и судьбы, я не достигаю еще ни смерти, ни любви, ни дружбы; вопреки

всем усилиям, между нами останется навсегда невысказанная истина, открыть которую мы даже не желаем. А между тем одна только эта не имеющая голоса истина жила между нами, и ни о чем другом, кроме нее, мы не могли думать. Эта истина — наша собственная истина о смерти, судьбе и любви; мы могли провидеть ее только в молчании. Кроме молчания, ничто никогда не будет значительно. «Сестры, — говорит ребенок в одной волшебной сказке, — каждая из вас скрывает тайную мысль; я хочу знать ее». Мы также обладаем чем-то, что хотели бы узнать, но оно ютится гораздо выше, чем тайная мысль: это — наше тайное молчание. Вопросы бесполезны: всякое беспокойное движение испытующей мысли даже мешает жить другою жизнью, которая скрывается в этой тайне. А чтобы познать то, что истинно существует, надо воспитывать между людьми молчание, ибо только в молчании распускаются неожиданные и вечные цветы, меняющие форму и окраску согласно душе, близ которой мы находимся. Души взвешиваются в молчании, как золото и серебро в чистой воде, и произносимые нами слова имеют смысл только благодаря молчанию, в котором они плавают. Если я скажу кому-нибудь, что люблю его, он не поймет того, что я повторял, быть может, тысяче других людей; но наступающее после слов молчание, если я в самом деле люблю, покажет, до какой глубины доходят корни моих слов, и родит в нем тихую уверенность. Это молчание и эта уверенность не повторяются в жизни дважды...

Не молчание ли определяет и создает аромат любви? Любовь, лишенная молчания, не имела бы своего вечного благоухания. Кто из нас не знал этих безмолвных минут, которые разъединяют уста, чтобы соединить души. Искать их надо неустанно. Нет более послушного молчания, чем молчание любви; только оно принадлежит всецело нам. Прочие великие молчания — смерти, горя или судьбы — нам не принадлежат. Они приближаются к нам из глубины событий, в час, ими самими избранный; тот, кто не встречает их, не должен упрекать себя. Но от нашей воли зависит идти навстречу молчаниям любви. Они ожидают денно и ночью у порога наших дверей и так же прекрасны, как их братья. Благодаря им не знавшие слез могут жить с душами в столь же тесной связи, как и очень несчастные; вот почему людям, много любившим, известны тайны, от других скрытые, ибо в том, о чем молчат уста истинной и глубокой дружбы и любви, таятся тысячи и тысячи мыслей, которых никогда не выразит молчание других уст.

II. ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ

Настанет, быть может, время — а многое возвещает, что оно приближается, — настанет время, когда души будут узнавать одна другую без посредства чувств. Нет сомнения, что область духа с каждым днем все больше и больше расширяется. Теперь душа гораздо ближе от нашего видимого существа и принимает в наших действиях гораздо большее участие, чем два или три века тому назад. Мы как бы приближаемся к духовному периоду. Бывают в истории подобные периоды, когда, подчиняясь неведомым законам, душа всплывает на поверхность человечества и проявляет с большей непосредственностью свое бытие и могущество. Это бытие и могущество раскрываются тысячей неожиданных и разнообразных способов. И кажется, что в эти мгновения человечество близко от того, чтобы хоть слегка приподнять тяжелое бремя материи.

Воцаряется нечто вроде духовного облегчения, и самые суровые и негибкие законы природы местами поддаются. Люди становятся ближе к себе самим и к своим братьям; они начинают вглядываться друг в друга, начинают любить серьезнее и задушевнее. Они нежнее и глубже понимают детей, женщин, животных, природу и предметы. Быть может, статуи, картины и литература, создаваемые ими, несовершенны, но в них сказывается какое-то вечно живое, чарующее могущество и таинственная грация. Судя по их творчеству, и взгляды этих людей должны отражать братскую любовь и таинственную надежду, и рядом со следами обыкновенной жизни в них светятся мелькающие следы какой-то другой, необъяснимой жизни.

То, что нам известно о Древнем Египте, позволяет предположить, что он прошел через один из таких духовных периодов. По всей вероятности, в отдаленнейшую эпоху истории Индии душа поднялась к поверхности жизни до того уровня, которого с тех пор уже больше не достигала... Следы ее почти непосредственно-го присутствия или воспоминания о нем создают там еще теперь странные явления. Есть много других подобных же моментов в истории, когда кажется, что духовный элемент борется на дне человечества, как утопающий, который барахтается на дне глубокой реки. Вспомните, например, Персию, Александрию и два мистических столетия Средних веков.

В противоположность им есть прекрасные века, когда царствовали красота и образованность, но душа совсем не показывалась. Так, например, она очень далека от эпохи Греции и Рима, от XVII и XVIII столетий у французов (по крайней мере, далека от поверхности этого последнего столетия, ибо его глубины с Клодом Сен-Мартеном, Калиостро, который значительно, чем это предполагают, с Паскалем и многими другими скрывают от нас много тайн). Не знаешь почему, но чего-то там нет. Таинственные сношения отрезаны, и красота закрывает глаза.

Трудно объяснить словами и доказать, почему атмосфера божественности и рока, окружающая греческие трагедии, не кажется настоящей атмосферой души. На горизонте этих удивительных трагедий мы открываем вечную и внушительную тайну, но это не та трогательная, родственная и глубоко действующая тайна, которая скрывается в произведениях менее великих и прекрасных. Возьмем более близкое к нам время: Расин — правдивый поэт женского сердца; но кто решится сказать, что он сделал когда-нибудь хоть один шаг навстречу женской душе? Что вы мне ответите, если я спрошу о душе Андромахи или Британика? Действующие лица в трагедиях Расина понимают друг друга только благодаря словам, но ни одно из слов не проникает сквозь пески, отделяющие нас от моря. Они ужасающе одиноки на поверхности какой-то планеты, которая не вращается более на небе. Они не могут молчать, ибо тогда перестали бы существовать.

У них нет *незримого закона*, и можно подумать, что какое-то разъединяющее вещество залегло между их духом и ими самими, между жизнью, которая затрагивает все существующее, и жизнью, затрагивающей одни быстролетные моменты какой-нибудь страсти, горя или желания. Так проходят столетия, в продолжение которых душа спит и никто о ней не думает.

В настоящее время она очевидно делает огромные усилия. Она проявляет себя повсюду необыкновенными способами, выходя властно и стремительно, точно ей дано приказание и она боится потерять время. Она должна приготовиться к решительной битве, и никто не в силах предугадать, каковы будут последствия победы или отступления. Она, быть может, никогда не проявляла более разнообразных и непреодолимых сил. Она как будто чувствует себя прижатой к невидимой стене, и трудно решить, агония ли или новая жизнь волнуют ее. Не стану говорить о тай-

ных силах, пробуждающихся вокруг нас, о магнетизме, телепатии, о неожиданных свойствах лучистой материи и о многих других явлениях, которые колеблют официальную науку. Все эти явления общеизвестны и легко могут быть наблюдаемы. И все же они ничтожны рядом с тем, что происходит в действительности, ибо душа похожа на спящего, который из глубины сновидений делает странные усилия, чтобы шевельнуть рукой или приподнять веки.

В других областях, к которым толпа относится менее внимательно, пробуждение души еще более несомненно, хотя оно менее заметно для глаз, не привыкших видеть. Так, например, в музыке можно подумать, что ее голос вот-вот пронзит победным криком последние заглушающие ее фальшивые звуки. И чувствовалось ли когда-нибудь в живописи более сильное священное тяготение к кому-то незримо присутствующему, чем в некоторых произведениях известных современных художников? Наконец не замечаем ли мы и в литературе, что некоторые вершины освещаются светом, не похожим на самые причудливые лучи предшествующей литературы? Мы приближаемся к какому-то неведомому преобразению молчания, и *вlastно позитивное*, царившее до сих пор, подходит, кажется, к концу.

Я не останавливаюсь на этих явлениях, потому что о них еще рано говорить; но мне кажется, что редко когда предстоял человечеству более настоятельный случай духовного освобождения. Это похоже даже иногда на *ультиматум*, вот почему нужно употребить все усилия, чтобы не упустить этот случай, принадлежащий по своей природе к сновидениям, которые безвозвратно исчезают, если их вовремя не закрепить. Надо быть благоразумным, ибо душа наша волнуется не без причины. Но волнение, замечаемое нами, ясное только на умозрительных вершинах существования, незаметно для нас обнаруживается также на самых будничных тропинках жизни; ибо всякий цветок, расцветший на высоте, в конце концов падает в долину. Увял ли он уже? Не знаю. Во всяком случае, мы часто разливаем в нашей каждодневной жизни среди самых смиренных существ таинственные и непосредственные отношения, духовные явления и сближения душ, о которых в прежнее время никогда не говорили. Существовали ли они до нас не столь явными? Надо этому верить, ибо во все времена жили люди, которые доходили до самых таинственных отношений жизни и которые передали нам все, что они постигли о сердце,

разуме и душе своего времени. Весьма вероятно, что и тогда существовали эти отношения, но они еще не отличались той силой, свежестью и всеобщностью, которыми обладают теперь, не доходили до глубины человечества. В противном случае они обратили бы на себя взоры мудрецов, которые обошли их молчанием. Я уже не говорю о «научном спиритизме», о явлениях телепатии, «материализации» и о других феноменах, только что перечисленных. Речь идет о событиях и проявлениях души, которые постоянно встречаются теперь и в жалком существовании людей, живущих в забвении своих вечных прав. Речь идет также о психологии, совершенно отличной от обыкновенной психологии, которая не по праву заимствовала свое прекрасное имя от Психеи, ибо в действительности занимается лишь духовными явлениями, тесно связанными с материей. Словом, речь идет о том, чему могла бы нас научить трансцендентальная психология, которая непосредственно исследовала бы отношение души к душе, а также *чувствительность и чудесную осязаемость нашей души*. Эта наука, которая должна поднять человека ступенью выше, только теперь возникает, и она не замедлит устранить элементарную психологию, господствовавшую доныне.

Эта непосредственная психология, спускаясь с гор, вторгается в самые маленькие долины. Ее присутствие замечается и в произведениях самых посредственных. Вот лучшее доказательство того, что власть души увеличилась в человечестве и что ее таинственная деятельность стала всеобщей. Мы касаемся теперь предметов почти несказанных и должны ограничиться примерами несовершенными и грубыми. Вот два-три наиболее элементарных и осязаемых. В прежнее время если порою и возбуждался вопрос о предчувствии, о странном впечатлении какой-нибудь встречи или взгляда, о решении, зародившемся в бессознательной части человеческого разума, о необъяснимой, но тем не менее постигнутой силе, о тайных законах антипатии или симпатии, о духовном родстве, сознательном или инстинктивном, о преимущественном влиянии чего-то невысказанного, то никто не останавливал внимания на этих предметах, которые, впрочем, весьма редко беспокоили мыслителя. С ними сталкивались лишь случайно. Никто не подозревал, какую тяжестью они ложатся на всю жизнь, и от них торопились скорее возвратиться к обычной игре страстей и внешних приключений.

И вот эти феномены, которые в прежнее время мало занимали даже наиболее великих, наиболее мыслящих из наших братьев, в наше время беспокоят самых ничтожных людей. Этим еще раз доказывается, что человеческая душа — растение совершенного единства и что все ее ветви, если время наступило, расцветают одновременно. Крестьянин, которому был бы дан внезапно дар выразить то, что у него на душе, высказал бы в наши дни то, чем еще не обладала душа Расина.

Вот почему люди гораздо меньшего гения, чем Расин или Шекспир, увидели таинственно светящуюся жизнь, открывавшуюся лишь образной своей стороной великим учителям минувших времен. Недостаточно ведь, чтобы великая душа металась в одиночестве среди пространства и времени. Без помощи других она мало совершит. Она лишь цветок толпы. Нужно, чтобы она сошла в ту минуту, когда взволновался весь океан душ целиком. Если же она снизошла в минуту сна, она сможет говорить только о сновидениях. Гамлет — чтобы взять самый яркий пример, — Гамлет в Эльсиноре каждую секунду приближается к краю пробуждения. А между тем, несмотря на холодный пот, венчающий его бледное чело, есть слова, которые он произнести не в силах; в наше же время он, без сомнения, произнес бы их, потому что даже душа бродяги или вора, идущего мимо, помогла бы ему говорить. Гамлет, смотрящий на Клавдия или свою мать, научился бы теперь тому, чего тогда еще не знал, ибо теперь души не окутаны столькими покрывалами, как прежде. Знаете ли вы — а это истина странная и волнующая, — знаете ли вы, что если вы не добрый, то, более чем вероятно, ваше присутствие возвестит об этом теперь во сто крат яснее, чем два или три столетия тому назад? Знаете ли, что, если вы сегодня утром опечалили хоть одну душу, душа крестьянина, с которым вы станете беседовать о грозе или дожде, была об этом уведовлена еще раньше, чем рука его открыла вам дверь? Примите образ святого, образ мученика или героя, все же встреченный вами ребенок не будет вас приветствовать тем же взором, если вы таите в себе злую мысль, несправедливость или слезы брата. Быть может, сто лет тому назад душа его прошла бы мимо вашей, ничего не видя и не замечая...

В настоящее время становится трудным питать в своем сердце скрытую от взоров ненависть, зависть или измену; до того даже самые невнимательные души постоянно стоят настороже вокруг нашего существа. Наши предки обо всем этом не упоминали,

и очевидно, что жизнь, среди которой мы волнуемся, совершенно отлична от той, какую они изображали. Обманули ли они нас или сами не знали? Знаки и слова теперь более ни к чему не служат, и почти все решается таинственной силой простой встречи. Древняя воля, всем известная и такая логичная, тоже изменилась в свою очередь и продолжает меняться от непосредственного влияния великих законов, неизъяснимых и глубоких. Почти не стало больше скрытых убежищ, и люди больше сближаются друг с другом. Они судят друг друга по тому, что кроется за словами и поступками и даже за мыслями, ибо то, что они видят, хотя и не постигают, лежит за областью мысли. Это одно из великих знамений; по ним узнают духовные эпохи, о которых я сейчас говорил. Всюду чувствуется, что отношения обыкновенной жизни начинают меняться, и более молодые из нас уже говорят и действуют не так, как люди предшествующего поколения. Множество условностей, обычаев, завес и бесполезных посредствующих звеньев упало в бездну, и мы почти все, не зная этого, уже судим друг о друге лишь по законам незримого. Когда я вхожу в вашу комнату, вы не будете основываться на законах, хотя бы и глубочайших, практической психологии, когда произнесете свой таинственный приговор, который человек произносит в присутствии человека. Вы не можете сказать мне, откуда вы узнали, кто я, но вы пойдете мне навстречу с целым грузом неизреченных доказательств. Отец ваш, быть может, судил бы иначе обо мне — и ошибся бы.

Надо верить, что скоро человек коснется человека и духовная атмосфера переменится. Сделали ли мы, как говорит великий «неведомый философ» Клод Сен-Мартен, сделали ли мы шаг вперед по светлой и поучительной дороге, ведущей к единству всех существ? Будем ждать в молчании; может быть, нам вскоре суждено услышать шепот богов.

III. ПРЕДУПРЕЖДЕННЫЕ

Их знает большинство людей, и почти все матери видели их. Их существование, может быть, неизбежно, как все страдания; и тот, кто не приближался к ним, менее нежен, менее печален и менее добр. Они странные. Кажется, что они ближе к жизни, чем другие дети, и что они ничего не подозревают; а между тем в их глазах таится глубокая уверенность, которая заставляет ду-

мать, что им все известно и что они употребили не один вечер на то, чтобы объяснить себе свою тайну.

В то время как их братья еще ощупью бродят между рождением и жизнью, они уже себя узнали; они уже твердо стоят на ногах, готовясь принять свою судьбу. Поспешно, расчетливо и обдуманно готовятся они к жизни: и эта поспешность есть та примета, на которую матери — эти невольные и скромные наперсницы всего невысказанного — едва смеют взирать. Часто у нас нет времени заметить их; они безмолвно уходят от нас и остаются навсегда неузнанными. Но другие задерживаются дольше, с внимательной улыбкой смотрят на нас и как будто готовы сознаться в том, что они все поняли. Но потом, достигнув двадцатилетнего возраста, они поспешно удаляются, заглушая шаги, и кажется, будто им стало ясно, что они ошиблись жилищем и готовились провести жизнь среди людей им чуждых. Сами они ничего почти не говорят и заслоняют себя облаком, если чувствуют себя ранеными или видят, что люди близки от того, чтобы их настигнуть. Бывают дни, когда кажется, что они с нами, среди нас; но наступает вечер, и они уже настолько отделились, что мы не осмеливаемся их больше ни узнавать, ни вопрошать. Они там, по ту сторону жизни, и чувствуется, что пришло наконец время, когда надо возвестить о чем-то более важном, более человеческом, более реальном и более глубоком, чем дружба, жалость или любовь, о чем-то таком, что трепещет в груди, как смертельно раненная птица, и чего никто не знает, никто не высказывал и чего нельзя высказать, ибо столько жизней проходит в молчании. А время торопит, и кто из нас не выжидал так до того мгновения, когда уже нельзя было отвечать?

Почему пришли они, почему уходят? Не родятся ли они только для того, чтобы доказать нам, что жизнь не имеет цели? Стоит ли вопрошать, если никогда не будет ответа? Я был несколько раз свидетелем этого явления и однажды наблюдал его так близко, что уже не мог различить, касается ли оно другого или меня самого...

Так умер один из моих братьев. Казалось, что, сам того не зная, он один был предупрежден, между тем как мы, может быть, знали что-то, но не получили того внутреннего предуведомления, которое он таил в себе с первых дней жизни. Как узнают людей, над которыми тяготеет важное событие? Нет ничего явного,

а между тем мы всё видим. Они боятся нас, потому что мы беспрестанно и произвольно уведомляем их. Стоит нам подойти к ним, как они уже чувствуют, что мы вооружаемся против их будущего. Мы всегда что-то прячем от большинства людей, но сами не знаем что. Между двумя встречающимися в первый раз людьми проходят странные тайны жизни и смерти и много других тайн, у которых нет еще имени, но которые непосредственно завладевают движениями нашего тела, нашим взором и нашим лицом. И когда мы пожимаем руку друга, душа наша бросает нескромные взоры, которые, быть может, не останавливаются и на пороге земной жизни. Между двумя существами может и не быть никакой затаенной мысли, но останется всегда нечто более могущественное и глубокое, чем мысль.

Мы не властны над этими неведомыми дарами и постоянно обнаруживаем в себе пророка, лишённого дара слова. Мы никогда не бываем при других такими же, как наедине с собой, даже не такими, какие мы с ними в темноте. Наши взоры меняются согласно тому прошлому и будущему, которое они провидят. И вот почему мы помимо воли живем всегда настороже. Встречаясь с теми, которым не суждено жить, мы видим не их, а то, что их ожидает. Им хотелось бы нас обмануть, чтобы обмануться самим. Они делают все, чтобы сбить нас с пути, а между тем в их смехе и горячем порыве сквозит уже конечное событие, как будто бы оно и есть основание и смысл всего их существования. Лишний раз смерть изменила им, и они с грустью замечают, что мы всё видели и что есть голоса, которые не могут молчать.

Кто выяснит силу событий и связь их с нами? От нас ли они рождаются, или мы от них? Мы ли притягиваем их, или они нас? Кто на кого сильнее влияет? Ошибаются ли они когда-нибудь? Почему они льнут к нам, как пчела к улью, как голубь к голубятне, и куда укрываются те, которые не находят нас на месте свидания? Откуда идут они нам навстречу? И почему они похожи на нас, как родные братья? Действуют ли они в прошлом или в будущем? Те ли могущественнее, которые прошли, или те, которые не наступили? Кто из нас не проводил большую часть жизни под тенью еще не случившегося события? Эти значительные жесты, эту походку, которая, казалось, вела к цели слишком близкой, это предчувствие великих холодов и этот сосредоточенный взор, которого нельзя было развлечь, — все это я замечал даже в людях, которым суждена была случайная кончина и на которых смерть

обрушивалась извне и неожиданно. А между тем они спешили так же, как их братья, таившие смерть в себе. У них было то же лицо. Им так же жизнь казалась более значительной, нежели тем, кто осужден жить.

Они действовали с тем же уверенным молчаливым вниманием. Им нельзя было терять времени; они должны были быть готовы в один и тот же час, ибо событие, которого не мог бы предсказать ни один пророк, было, даже без их ведома, жизнью их жизни.

Смерть руководит нашей жизнью, и жизнь не имеет другой цели, кроме смерти. Наша смерть — форма, в которую отлилась наша жизнь, и она же образовала наш облик. Писать портреты следовало бы только с умерших, ибо только они одни верны себе и на мгновение показывают нам свою сущность. Всякая жизнь освещается в том чистом, холодном и простом свете, который падает на подушку в предсмертные часы. Не тот же ли самый свет уже озаряет лица этих детей, когда они, не мигая, улыбаются нам; и не он ли заставляет нас хранить безмолвие, какое царит в комнате, где лежит кто-нибудь, умолкший навсегда? Когда я припоминаю всех, кого знал и кого та же смерть вела за руку, я вижу толпу детей, девушек и юношей, которые как будто вышли из одного и того же дома. Они все уже братья и сестры, и можно сказать, что они узнают друг друга по скрытому знаку, который они делают друг другу в то время, когда мы не глядим на них, — по знаку молчания. Это дети, ожидавшие близкой смерти. В школе мы смутно различали их. Они искали и в то же время избегали друг друга, как те, которые страдают одной и той же немощью. Их видели уединяющимися под деревьями сада. В их улыбке, сдержанной или менее телесной, чем наша, таилась одинаковая важность, и все они имели вид людей, боящихся выдать какую-то тайну. Они умолкали, когда к их группе подходил человек, осужденный жить. Быть может, они уже говорили в это время о конечном событии; или просто им было известно, что событие заявляло о себе через них и помимо них, и они старались скрыть его от равнодушного взора.

Иногда казалось, что они смотрят на нас с высоты башни, и, хотя они были гораздо слабее нас, мы не осмеливались притеснять их. Правда в том, что нет ничего скрытного. Все вы, встречающие меня, знаете, что я сделал и что сделаю, что я думал и что думаю. Вы наверно знаете день, когда я умру: но вы не нашли

Метерлинк М.

М 54 Разум цветов. Мудрость и судьба : сборники эссе и монографии / Морис Метерлинк ; пер. с фр. Н. Минского, Л. Вилькиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 832 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26623-0

Морис Метерлинк — бельгийский драматург, эссеист и поэт, лауреат Нобелевской премии, — более всего известен своими пьесами, пленяющими сказочной атмосферой и полетом поэтической фантазии. Самая знаменитая пьеса Метерлинка — «Синяя птица» — рассказывает о детях, получивших в подарок от феи умение «видеть души вещей». Возможно, этим искусством владел и сам автор, поскольку натурфилософские произведения Метерлинка очаровывают не меньше, чем его сказки.

Талант поэта-символиста и пронзительность влюбленного в природу художника позволяют Метерлинку необычайно увлекательно рассказывать о завораживающих мирах, возможно более гармоничных, чем человеческий социум. Удивительные факты из жизни разнообразных цветов, описание сложной и слаженной работы пчелиного улья или организации термитника превращаются в изложении Метерлинка не просто в записки натуралиста, а в своего рода манифест существования единого высшего разума, проявляющего себя во всех живых существах нашей планеты. Рассуждения о жизни растений, насекомых и животных, глубокие умозаключения о человеческом бытии, истории, литературе, религии, смелые параллели и неожиданные выводы приглашают читателя поразмышлять о становлении человеческой души, о стремлении личности найти свое место в окружающем мире и глубже осознать связь с природой.

В настоящем издании представлены избранные эссе и трактаты Мориса Метерлинка, написанные с 1896 по 1926 год: «Сокровище смиренных», «Мудрость и судьба», «Жизнь пчел», «Погребенный храм», «Двойной сад», «Разум цветов», «Жизнь термитов».

УДК 00
ББК 70

МОРИС МЕТЕРЛИНК
РАЗУМ ЦВЕТОВ
МУДРОСТЬ И СУДЬБА

Ответственный редактор Екатерина Дубьянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.12.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург; Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург; Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-35615-01-R